

Gary Nunn

THE PSYCHIC TESTS

An Adventure
in the World of Believers
and Sceptics

Гэри Нанн

БИТВЫ С ЭКСТРА- СЕНСАМИ

Как устроен мир
ясновидящих, тарологов
и медиумов

Перевод с английского
Евгении Воробьевой

Individuum
2023

УДК 133

ББК 86.4

H25

Напечатано при содействии
литературного агентства «Синописис»

Нанн, Гэри.

H25 Битвы с экстрасенсами. Как устроен мир ясновидящих, тарологов и медиумов / Гэри Нанн ; [пер. с английского Е. Воробьевой]. — Москва : Individuum, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-6048006-9-0

Экстрасенсы, медиумы, астрологи и тарологи редко оставляют людей равнодушными: кто-то считает их шарлатанами, а кто-то — последней надеждой. Однако даже убежденные скептики знают свой знак зодиака. Австралийский журналист Гэри Нанн заинтересовался ясновидящими, когда сперва к ним стала ходить его раздавленная горем сестра, а затем узнал, что даже биржи привлекают их на работу. Откуда берется эта тяга к мистике и может ли она пойти нам на пользу? Почему люди тратят время и деньги на услуги прорицателей, если их способности не доказаны наукой?

Нанн решил разобраться в том, как устроен мир предсказаний, гаданий и разговорчивых духов. В поисках истины он сам попробовал стать медиумом, пообщался с ясновидящими-детективами, профессиональными интуитами, консультирующими миллиардеров, и теми, чью судьбу они изменили. Одно несомненно: паранормальный бизнес никуда не денется. Верить или нет — выбор за вами.

УДК 133

ББК 86.4

© Gary Nunn, 2021

© Pantera Press Pty Limited, обложка, 2021

© Евгения Воробьева, перевод, 2023

ISBN 978-5-6048006-9-0

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
Глава 1. Вступление. Проверка сестрой	15
Глава 2. Проверка бизнесом	24
Глава 3. Проверка СМИ	35
Глава 4. Проверка политикой	60
Глава 5. Проверка правом	68
Глава 6. Проверка любовью	75
Глава 7. Проверка отступниками	90
Глава 8. Проверка горем	102
Глава 9. Проверка уголовными расследованиями	126
Глава 10. Проверка на этику	142
Глава 11. Проверка деньгами	165
Глава 12. Проверка на шарлатанство	174
Глава 13. Проверка скептицизмом	200
Глава 14. Проверка связи	225
Глава 15. Проверка здоровьем	247
Глава 16. Проверка практикой	261
Глава 17. Заключение	276
Благодарности	284

*Эта книга посвящается двум людям, ушедшим в мир
иной: моему отцу и моей бабушке,
Лесу и Джойс Нанн,
а также двум, живущим и здравствующим в нашем
мире: моей маме и моей сестре,
Ли и Тарен Нанн*

ПРОЛОГ

Мой первый сеанс с экстрасенсом продлился всего 5 минут и 47 секунд — но, бог ты мой, это было незабываемо!

Произошел он на мероприятии под названием «Деловые фрукты» — это такой профессиональный нетворкинг для гомосексуальных мужчин. Увидев программу вечера, я очень удивился: в списке приглашенных гостей впервые была ясновидящая, и я специально записался ради нее. Это одна из немногих экстрасенсов, чьего имени я никогда не забуду: Мелани Обейд.

Заходя в помещение, я чувствовал, как зудит под костюмом потная кожа — стоял декабрь 2019-го, самое начало лета в Австралии. Мелани я заметил сразу: она сидела поодаль с каким-то «деловым фруктом», нависшим над ней и жадно ловившим каждое слово. Он был словно околдован. Такое часто происходит с людьми на сеансах, даже со скептиками. Когда кто-то — кто угодно — сидит рядом и говорит с тобой только о тебе самом, это затягивает. И порой даже опьяняет. Что делает переживания еще мощнее.

Мужчины, обращавшиеся к Мелани в тот вечер, совершенно не походили на типичных клиентов экстрасенсов. При полном параде они стояли рядом со своими конкурентами и коллегами:

менеджерами, директорами, руководителями, в общем, людьми, пользующимися влиянием и авторитетом. (Именно такие приходят обычно на мероприятия типа «Деловых фруктов». Сам я, впрочем, не из них. Я хожу на эти встречи в поисках потенциального будущего мужа, но почти всегда нахожу лишь разочарование и скуку.)

Это мероприятие меня, однако, не разочаровало — и все благодаря Мелани. За эти 5 минут и 47 секунд я испытал больше эмоций, чем за целую неделю.

Мелани — молодая блондинка с озорной короткой стрижкой. Я в жизни не видел таких завораживающих голубых глаз, как у нее. Они похожи скорее на осколки синего опала, чем на глаза человека. В ту же секунду, когда я сажусь на барный стул за столиком напротив нее и она начинает говорить, я попадаю под ее чары. Я во власти этих опалов.

Звучат какие-то случайные имена, это немного сбивает с толку.

Потом Мелани спрашивает о моих родителях: они все еще вместе или разошлись?

В разводе, отвечаю я.

А отец жив?

Умер.

«Он говорит: „Какого хрена здесь происходит?“ Не знаю, как он относился к таким вещам, но сейчас он настроен очень скептически и спрашивает, что ты, нахрен, творишь?»

Иногда я и сам задаюсь этим вопросом.

Я отвечаю, что папа, должно быть, нередко испытывал подобные эмоции в отношении моей довольно-таки экстравагантной жизни. Мы смеемся. У нас похожее чувство юмора, мне это нравится.

Внезапно ее пронзительные голубые глаза расширяются. Становятся практически — не могу подобрать другого слова — бесноватыми. Она ловит мой взгляд и словно смотрит мне прямо в душу.

Нас окутывает шум толпы посетителей сиднейского бара в гей-квартале на Оксфорд-стрит. Люди общаются, заказывают напитки. Но все это уже не имеет значения. Как будто мы с Мелани остались вдвоем в этом баре — а может, и во всем мире.

Шум уходит на второй план. Как и «деловой фрукт» до меня, я весь подаюсь к Мелани, наклоняюсь вперед, наши руки почти соприкасаются. Я даже не моргаю. Она тоже. Мое сердце бьется все быстрее. По линии роста волос проступают бисеринки пота. Я весь напряжен.

Голубые глаза Мелани будто прожигают меня насквозь.

— Твой отец просит передать тебе кое-что: ему очень, *очень* жаль, что он так мало был рядом.

Я вспоминаю время, когда мама с папой развелись: мне было пятнадцать, сестре тринадцать. Мы жили с папой. Он работал на полную ставку, готовил нам еду, возил нас везде, стирал нашу одежду, воспитывал нас. Мирился со всеми моими закидонами. Он был рядом, еще как.

До тех пор пока не умерла его мать, моя бабушка. Он был так нужен мне тогда. Чтобы помочь с организацией похорон, чтобы просто быть со мной. Горевать со мной. Но его не было. Все это вихрем проносится в голове. Я стараюсь не выдать своих эмоций.

— Он говорит, что ты на это только закатаешь глаза, но просит отнестись к его словам серьезно. Он *неимоверно* гордится тем мужчиной, в которого ты вырос. Ты в порядке? — она интонацией подчеркивает слово *неимоверно*, как будто само по себе оно не в состоянии передать степень отцовской гордости за меня.

Я молча киваю. *Гордится*. Это слово затрагивает какие-то струны, задевает меня за живое. Во рту становится сухо. Я весь сжимаюсь. Мне очень жарко. Веки застыли неподвижно. В глаза как будто песка насыпали.

— Ты едешь за границу в следующем году?

Я киваю, не говоря ни слова. Каждый год я возвращаюсь из Австралии на родину, в Великобританию.

— Папа говорит: наверняка полетишь бизнес-классом!

— Да откуда у меня такие деньги, — парирую я. Мне хочется свести все к шутке. Хочется, чтобы мы снова смеялись.

Чего я не говорю Мелани — и чего она никак не может знать, — так это того, что случилось всего две недели назад.

Когда бабушка умерла, я полетел на похороны в Англию и собирался произнести там надгробную речь. Мы с ней были очень близки. Перед моим отъездом из Сиднея все спрашивали, могут ли они что-то для меня сделать, как это обычно бывает, когда кто-то умирает. И я отвечал: вообще-то да — можно мне апгрейд до бизнес-класса?

Дело было вот в чем: бабушка умерла всего через неделю после моего возвращения в Австралию из Лондона. Поездка на похороны означала, что придется снова проделывать этот долгий, *ооочень* долгий путь на самолете, а я еще не очухался от прошлого джетлага после перелета в Сидней.

На стойке регистрации в аэропорту я деликатно откашлялся и попытался изобразить аристократичный выговор — непростая задача для замшелого кокни* вроде меня. Я принарядился по случаю: отглаженная рубашка, набриолиненные волосы. Был Всемирный день борьбы со СПИДом, так что я приколот к лацкану красную ленточку в знак того, что поддерживаю благие дела. Я изо всех сил старался сойти за человека, который заслуживает места в бизнес-классе.

Напрасно. Я скорбел. Я сделал все что мог. И теперь пришел в ярость. С кем тут нужно переспать, чтобы меня пустили в этот долбаный бизнес-класс? Почему мне никогда не достается апгрейд?

Мелани, конечно, всего этого не знала. И не могла знать.

— Отец спрашивает: мы ведь это записываем?

Я киваю.

— В качестве компенсации... нет! Не отводи взгляд от моих глаз!

Как будто это было возможно. Она меня все равно что загипнотизировала. Судя по всему, это ее метод — так Мелани осуществляет ясновидение. Через глаза. Кроме шуток.

— В качестве компенсации за все, что он говорил и делал, он обеспечит тебе место в бизнесе или в первом классе в следующий раз.

* Пренебрежительное прозвище уроженцев Лондона, главным образом из бедного сословия. Так же называют и присущий им диалект. — *Прим. ред.*

подавив возглас удивления, я возвращаюсь мыслями к унижению, пережитому в сиднейском аэропорту.

— И, поскольку угодить тебе *очень* непросто, это станет доказательством, — продолжает Мелани, — что он очень сожалеет. Он говорит, что не знает, как еще попросить у тебя прощения. И еще он говорит: я знаю, ты в это не веришь, но я очень, *очень* тобой горжусь.

Опять эти берущие за душу слова. *Сожаление. Гордость.* Ведь именно этого мы хотим от родителей? Прежде всего остального. Мы знаем, что они любят нас. Это само собой разумеется. Любовь есть по умолчанию. Но вот чтобы *гордились* — это зависит от нас.

Итак, моя битва с экстрасенсами начинается с проверки на прочность Мелани Обейд — ясновидящей с пронзительными, почти неестественно голубыми глазами. А точнее, это она проверяет меня на привилегированность: получу я апгрейд до бизнеса или первого класса во время следующей поездки домой через полгода или нет. Пусть даже будет улучшенный эконом — я не стану придирааться. Любой апгрейд станет благодатью для того, кто привык летать чуть ли не в багажном отсеке.

Наступает пауза. Шум толпы в баре постепенно становится ближе, и я с внезапной неловкостью осознаю, что все это время вокруг было полно народу. Потом до меня доходит, что Мелани настойчиво задает какой-то вопрос, на который надо ответить. Она повторяет его, пока я растерянно моргаю. Слух возвращается ко мне. Но я еще не совсем пришел в себя. *Что?*

— Салфетку, говорю, дать?

И лишь тогда, к своему ужасу и стыду, я понимаю, что сижу весь заплаканный: пока ее глаза меня гипнотизировали, из моих катились ручьи слез. Никогда еще ясновидящим не удавалось вот так застать меня врасплох. Поэтому я и запомнил ее имя.

Я киваю.

Я прямо-таки стораю от смущения. Совсем рядом сидят мои друзья. Целый бар, полный незнакомых людей — потенциальных мужей и коллег.

Вообще-то я не думаю, что со мной говорил отец. Я точно знаю, что он умер, и ни в какую потустороннюю жизнь не верю. Это неверие засело во мне так же прочно, как начинка в карамели. Это был не мой отец — не тот, кто защищал и воспитывал меня, прививал мне здоровое любопытство и еще более здоровое недоверие ко всякой чуши. Это был не он.

Так почему же я плачу?